

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57

З. К. Темиргазина
Павлодар, Казахстан
М. С. Бачурка
Алматы, Казахстан

Zifa K. Temirgazina
Pavlodar, Kazakhstan
Maria S. Bachurka
Almaty, Kazakhstan

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ АГРЕССИВНОГО
ХАРАКТЕРА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ

В работе исследуются негативно-оценочные речевые акты агрессивного характера, функционирующие в русскоязычном педагогическом дискурсе. В качестве материала исследования выбрана устная речь учителей казахстанских средних школ в рамках урока. Теоретической основой работы выступает понимание педагогического дискурса как институционального типа дискурса, характеризующегося рядом коммуникативно-прагматических черт, а также узкое понимание вербальной агрессии как специфической формы речевого поведения, нацеленного на преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей или обществу.

Детально рассматриваются прагматические свойства речевых актов оскорбления и насмешки: иллокутивные функции, условия реализации. Оскорбление отличается персональной направленностью, «взламыванием» социально-этических табу говорящим, т.е. осознанием неправомерности своих речевых поступков. Учитель, осуществляя речевой акт оскорбления, также осознает их неправомерность, одновременно оправдывая свои речевые действия позитивными мотивами – желанием улучшить и скорректировать неподобающее поведение учащегося. Оскорбление репрезентируется в прямой и косвенной форме.

Насмешка, также реализуя цель принижения достоинства адресата, сопровождается осмеянием, что углубляет негативные психологические последствия этого речевого акта для учащегося. Разновидностью насмешки является ироническая насмешка, построенная на приписывании объекту насмешки несвойственных ему черт, свойств и действий.

Ключевые слова: речевой акт, интенция, коммуникант, вербальная агрессия, иллокутивная функция, оскорбление, насмешка, ирония.

Сведения об авторах: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Бачурка Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

SPEECH ACTS OF AGGRESSIVE
CHARACTER IN THE PEDAGOGICAL
DISCOURSE

The negative-evaluative speech acts of aggressive nature, operating in the Russian pedagogical discourse are studied in this research paper. The Kazakhstan secondary schools teachers' oral speeches in the framework of lessons are chosen as the research material. The theoretical foundation of the research is based on the interpretation of pedagogical discourse as an institutional type of discourse, characterized by a number of communicative and pragmatic features, as well as an interpretation of verbal aggression as a specific form of verbal behavior aimed at causing harm to a person, group of people or society.

Such pragmatic properties of speech acts of insults and ridicule as illocutionary functions and conditions of realization are considered in detail. Insult differs in personal orientation, in "hacking" social and ethical taboos, i.e. the awareness of the iniquity of the speech acts. A teacher, performing a speech act of insult, is aware of its wrongfulness, at the same time explaining his/her speech acts by positive motives – the desire to improve and correct inappropriate behavior of the student. The insult is represented in both direct and indirect forms.

The ridicule, also serving the purpose of belittling the dignity of the recipient, is accompanied by mockery that deepens the negative psychological consequences of this speech act for the student. One type of ridicule is ironic mockery, based on assigning unusual features, properties and actions to the object of ridicule.

Key words: pedagogical discourse, speech act, intention, verbal aggression, illocutionary function, insult, mockery, irony.

About the authors: Temirgazina Zifa Kakbaevna, PhD., Professor of Russian Language and Literature. Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Bachurka Maria Sergeevna, Senior Lecturer in the Humanities.

Place of employment: Kazakh-German University.

E-mail: brightstar82@mail.ru

Место работы: Казахстанско-Германский университет.

E-mail: brightstar82@mail.ru

Введение

Исследование педагогического дискурса в прагматическом и аксиологическом ракурсах с неизбежностью ставит проблему вербальной агрессии, которая обостряется институциональностью данного вида дискурса. Педагогический дискурс как специфический институциональный вид напрямую связан с нравственно-этическими аспектами коммуникации и коммуникантов, особенно чутко реагирует он на нарушения этических норм поведения доминирующего в этом виде коммуниканта, т. е. педагога. В. И. Карасик описал один из важнейших этических принципов, на котором основывается использование разнозначных оценочных речевых актов (далее – РА) в педагогическом дискурсе: «Положительная оценка поступка адресата может трансформироваться в положительную оценку адресата в целом как личности, а отрицательная оценка соответствующего поступка не должна подвергаться подобной трансформации, поскольку отрицательная оценка учителем личности ученика ведет к потере чувства собственного достоинства ученика» [1 : 312].

Как известно, в основе вербальной агрессии лежит стремление одного из коммуникантов принизить достоинство другого и за счет этого утвердить собственное превосходство [2; 3; 4]. В российской лингвистической литературе существуют узкое и широкое понимание вербальной (речевой) агрессии. Узкое понимание агрессии в речи представляет ее как «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [5 : 96]. Подобная трактовка заостряет внимание на конкретных разновидностях речевых актов, выступающих вербальными заместителями агрессивных физических действий: оскорблении (включая грубую брань), насмешке, угрозе, злопожелании, враждебном замечании, категоричном требовании без использования общепринятых этикетных средств и т. д. [6 : 257]. Широкая трактовка вербальной агрессии включает все виды наступательного, доминирующего речевого поведения.

Р. Барт, расширенно интерпретирующий вербальную агрессию, пишет о том, что она заложена в самой грамматике языка: «Не является ли... сама фраза, как практически замкнутая синтаксическая структура, боевым оружием, средством устрашения; во всякой законченной фразе, в ее утвердительной

структуре есть нечто угрожающе-императивное...» [7 : 539].

В нашей работе мы принимаем узкую трактовку понятия «вербальная/речевая агрессия», поскольку расширенное его толкование включит в сферу нашего научного интереса практически весь педагогический дискурс, для которого характерно речевое доминирование педагога.

Активный исследовательский интерес к вербальной агрессии в сфере педагогического дискурса проявили Ю. В. Щербинина, М. Ю. Олешков, Н. А. Антонова, Г. Е. Соколова, В. С. Третьякова и др. М. Ю. Олешков говорит о распространенности и укорененности данного коммуникативного явления в сегодняшней педагогической коммуникации: «Проявление вербальной агрессии в речи современных учителей-практиков общеобразовательных школ – довольно обычное явление. Это серьезная проблема, так как формирование моделей и усвоение норм речевого поведения происходит в раннем, в частности, школьном возрасте, и в этом случае речевая агрессия педагога является примером для формирования моделей агрессивных действий у учащихся» [8 : 49].

К негативно-оценочным речевым актам, непосредственно реализующим вербально-агрессивные намерения говорящего в своей иллокутивной функции, мы относим **оскорбление** и **насмешку**. Они содержат в своем прагматическом и семантико-пропозиционном толковании оценочную сему «плохо».

Фактический материал для анализа речевых актов агрессивного типа собран в средних школах Казахстана с русским языком обучения в течение 2009–2014 гг.

В. И. Жельвис, говоря о языковых способах выражения вербальной агрессии, предлагает ввести понятие «инвективное высказывание», в котором может быть материализован весь комплекс субъективно-эмоциональных оттенков агрессивного типа. Под инвективным высказыванием понимается «оскорбительная речь, выпад против кого-либо, а также все способы вербальной агрессии, в том числе направленные на самого говорящего» [9 : 7].

Некоторые исследователи полагают, что вербальная агрессия может семантически осложнять содержание речевых актов с различными иллокутивными функциями, например, замечания, критики, порицания [8].

Мы же полагаем, что в данном случае речь идет не об осложнении иллокутивной функции, а о самостоятельном речевом акте

с иллокутивной функцией агрессивного типа. К таким иллокутивным функциям можно отнести, например, угрозу, оскорбление, насмешку, клевету, оговор, злопожелание, отсыл и проч., которые имеют общее свойство – нанести морально-психологический ущерб партнеру по коммуникации.

Иначе говоря, замечание, порицание или критика, высказанные педагогом с использованием вербально-агрессивных средств, например, инвективной лексики, стилистически сниженных пластов: жаргонизмов, грубо-просторечных форм и слов с негативно-оценочными, эмоционально-экспрессивными коннотациями; просторечно-разговорных фразеологизированных синтаксических конструкций, повышенного тона говорящего, представляют собой речевой акт оскорбления, а не речевой акт замечания, критики, порицания и проч., иллокутивная функция которого осложнена вербальной агрессией.

Таким образом, наличие агрессивных устремлений говорящего, проявляющееся в иллокутивной функции и семантике высказывания, репрезентированное специфическими языковыми средствами, позволяет говорить о самостоятельном речевом акте агрессивного типа, а не об осложнении той или иной иллокутивной функции.

Специфика функционирования речевого акта оскорбления в педагогическом дискурсе

Г. В. Кусов выявил ряд характерных для иллокуции «оскорбление» параметров, таких как: персональная адресность речевого высказывания; направленность на понижение социального статуса адресата; умышленное взламывание табу; ожидание правовой ответственности или морального осуждения [10]. Высокую степень личностной направленности оскорбления, в отличие от РА возмущения, отмечает и Л. А. Козловская [11]. Именно поэтому важнейшим признаком РА оскорбления выступает использование инвективных номинаций человека. К оскорбительной лексике относят лексические средства, семантика которых направлена на: «1) создание субъективной оценки социальной привлекательности личности по месту в этносоциальной системе ценностей при помощи обращения к лексике “социального статуса” (педик); 2) вербальную дискриминацию по национальной, религиозной и половой принадлежности (чурка, еретик, блядь); 3) констатацию качества исполнения социальных ролей при помощи лексики, которая не связана с описанием общественной деятельности человека (тряпка)» [10 : 112].

В собранном нами материале – речи учителей – не зафиксированы случаи вербальной

дискриминации по национальной, религиозной и половой принадлежности. Оскорбительные высказывания касаются в основном оценки личности по месту в социальной системе ценностей (*неумеха, бездельники*), либо по качеству исполнения социальных ролей (*Ну что за сын, от которого родители волком воют!*), либо по личностным параметрам (*иду-от, дурацкий, тупизна, обалдел*).

Языковые средства выражения иллокутивной функции оскорбления обладают лингвокультурной специфичностью. Так, исследователи отмечают типичность использования в русской лингвокультуре зоонимов *свинья, скотина, козел, кобыла, осел, телка, корова, овца, курица* как обидных оскорбительных номинаций (см. об этом: [10; 11]). В. Н. Телия, изучая механизм возникновения средств эмоциональной оценки, говорит: «В подобных случаях сама номинация определяет ту иллокутивную силу, которую выражает высказывание, содержащее данную номинацию... Последняя, как свернутая пружина, распрямляется в высказывании, вызывая его перлокутивный эффект» [12 : 120]. Иначе говоря, использование вторичных номинаций с эмоционально-оценочным значением, в данном случае – зоонимов, однозначно определяет иллокутивную цель фразы как оскорбление.

Оскорбление имеет прямую и косвенную формы выражения. Прямое оскорбление репрезентируется в инвективных номинациях, сравнениях, а косвенная форма выражения оскорбления характеризуется отсутствием подобных прямых языковых индикаторов, а «вычисляется» адресатом в импликатурах, выводимых из «неоскорбительного» высказывания.

К прямым способам выражения иллокутивной функции оскорбления относятся: 1) грубо-просторечная лексика: *Вы совсем обалдели, что ли? Никакого сладу нету!; Серик, ты правда совсем тупой или надежда еще есть?; Ну, ты и подырь, Артем. Здесь всего-то полстранички заучить;* (учитель – по поводу заголовка домашнего сочинения) *Что за идиотское название?; Что ты там мямлишь, Аскар?; Я просила тебя указать цепочки превращения, а ты что накалякала?;* 2) жаргонные слова: *Как ты меня достал уже, Ибраев!; Совсем офигели в этой четверти, восьмой «А»!; Так и будешь по жизни лузером, Дима; Тебя, Костя, ничем не пробьешь; Крутым себя возомнил, Алибек? Да-а-а, оборзел наш староста;* 3) фразеологические сочетания с негативно-оценочной сниженной коннотацией: *Что за бред сивой кобылы? Ты на всю голову больной, Азиз. Что еще скажешь!; Что за ересь ты несешь? Какое электромагнитное излучение у камня может*

быть?; Ты что, Сергеева, с дуба рухнула? Я же все это на прошлом уроке говорила; Что попало говоришь, даже не думаешь, Иван; 4) метафорические выражения: А ты голову дома случаем не забыла? Уши включи, Сакенов; Ты головку нигде не стукнул? Такие вещи говоришь; (учитель – о контрольной работе ученика) Много ошибок. Бумага и то покраснела.

Все перечисленные лексические средства сопровождаются использованием таких синтаксических средств, как риторический вопрос, риторическое восклицание, а также повышением тона учителя. Весь этот комплекс языковых средств усиливает негативное эмоционально-психологическое воздействие РА оскорбления на учащихся, подавляет их волю, принижает самооценку. Отметим, что нами не выявлено ни одной вербальной выраженной перлокутивной реакции учащихся на оскорбление со стороны учителя.

Косвенные формы выражения оскорбления см. в следующих примерах:

Учитель – ученице с избыточным весом, которая отпрашивается в столовую:

– Можно в столовую?

– Тебе не в столовую надо, а в спортзал.

Кошмар! Как вы себя ведете? У вас что, критические дни?

Дворником, может, устроишься после школы. И это максимум.

С головой у тебя, по видимости, это наследственное, Айгерим.

Да-а, твое ай-кью прям зашкаливает.

Как говорилось выше, оскорбление отличается персональной направленностью, агрессивной оценке учителя подвергается личность учащегося. Конкретным предметом оскорбительной оценки в русскоязычном педагогическом дискурсе, как показывает анализ собранного фактического материала, становятся:

- умственные способности учащихся – 66,7% (*обалдуй, на всю голову больной, тупой, головку стукнул*),
- речь – 11,2% (*мямлишь, что попало говорить, ересь несешь*),
- поведение – 10,6% (*крутой, оборзел, офигели, достал*),
- отношение к учебе – 6,1% (*лодырь, бездельники, дворником станешь*),
- внешность – 0,9%.

Подобное повышенное внимание к умственному потенциалу личности объясняется тем, что в учебном процессе учащиеся должны проявлять именно эту сторону своих способностей. По мнению многих учителей, плохо выполненное задание, слабо написанная контрольная работа или диктант, косноязычная речь в устном ответе свидетельствуют об интеллекте ученика, хотя это не всегда

соответствует действительности. Говоря о поведении ученика, учитель обычно оценивает отношение к учебе (леность, невнимательность, опоздания), затем этические аспекты его поведения. Таким образом, принятое в обществе табу на негативные интеллектуальные оценки личности как бы «снимается» в педагогическом дискурсе в силу его институциональности.

Два важнейших коммуникативных условия осуществления речевого акта оскорбления – «умышленное взламывание табу» и «ожидание правовой ответственности или морального осуждения» (Г. В. Кусов) – оказываются размытыми и не обязательными в условиях педагогического дискурса: оскорбляющий (учитель) не считает, что он нарушает табу, и в общем психологически не ожидает морального и тем более правового осуждения своего коммуникативного нарушения. Подобная моральная «безнаказанность» приводит к «взламыванию» и других табу, например, запрета на негативную оценку родителей, родных и близких учащегося, на негативную оценку его внешних данных, т. е. запрета на грубое вторжение в «личную сферу» учащегося (*С головой у тебя, по видимости, это наследственное, Айгерим; Меньше б о еде думала, больше занималась бы*).

К чести учителей отметим, что в их вербально-агрессивных высказываниях оскорбительного типа отсутствуют выражения, дискриминирующие учеников по национальному, расовому, религиозному, половому признаку. Отмечено также незначительное количество высказываний (0,9%), содержащих оскорбительную характеристику внешних данных учащихся; они все касались избыточного веса.

Не встречаются в нашем речевом материале и оскорбительные номинации-зоонимы в высказываниях педагогов, за исключением одного случая (*Ну, что глазами хлопаешь как корова? Лена, я о задаче тебя спрашиваю*).

Функционирование речевого акта насмешки в педагогическом дискурсе

Насмешку характеризуют как агрессивный речевой акт непрямой коммуникации [13]. В. В. Дементьев предлагает относить к непрямым коммуникациям «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [14 : 5]. Это интеракционная модель коммуникации, «в качестве главного принципа которой выдвигается взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации» [14 : 57].

Исследователь вербальной агрессии Ю. В. Щербинина определяет насмешку как «обидную шутку, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию» [15 : 179]. Насмешка находится в ряду высказываний, целью которых является осмеяние. Это юмористическое замечание, шутка, высмеивание, насмешка, розыгрыш, «прикол» и т. п. С. В. Доронина описывает дифференциальные признаки насмешки в этом ряду: «Если высказывание приносит моральное страдание собеседнику, вне зависимости от речевого намерения говорящего, то оно оценивается как насмешка. И напротив, если оно воспринимается безболезненно, то его можно отнести к разряду допустимых шуток. Таким образом, точкой отсчета на шкале коммуникативной оценки осмеяния является эмоциональное состояние объекта речи» [16]. Иначе говоря, насмешку роднит с речевым актом оскорбления агрессивные намерения говорящего в отношении адресата – принизить его статус, нанести ему значительный моральный ущерб. Как и оскорбление, насмешка персонализирована, т. е. имеет личностную направленность.

Отличает же насмешку от оскорбления наличие интенции осмеяния – желания высмеять личные качества человека, его поступки, поведение, систему ценностей. Казалось бы, наличие элементов осмеяния, смеха, игры должно смягчить негативный потенциал высказывания, но происходит обратное: оно усиливает негативность оценки, усугубляет отрицательный эмоциональный фон высказывания, поскольку путем осмеяния говорящий не только принижает статус собеседника, но и выражает свое превосходство над ним. «Возможность выражения пренебрежения (или даже презрения) посредством осмеяния основывается на редуцирующей функции смеха: высмеивание умаляет значимость, делает важное ничтожным, страшное безобидным, содержательное бессмысленным» [16].

Многие авторы отмечают близость и сходство речевых актов насмешки и колкости [17; 11]. Например: «Колкость справедливо может быть квалифицирована как почти насмешка. Отличие состоит в большей степени жесткости, категоричности тактического приема колкости в сравнении с приемом насмешки» [11].

В семантико-пропозициональном отношении насмешка часто строится на приписывании человеку не характерных для него, не типичных для его статуса (возрастного, социального, полового) свойств, действий. Это семантическое несоответствие создает комический, смеховой компонент высказывания

и одновременно передает иллюкутивную функцию негативной оценки. Например:

Учитель – старшекласснику: *Почему опоздал? Жена не разбудила?*

Учитель – опоздавшему ученику: *И что же вас так надолго задержало, сэр?*

Учитель – ученице с сильно подведенными черной краской глазами: *Боевой раскрас ирокеза. На тропу войны вышла?*

– Антон, раз ты сегодня такой разговорчивый, иди к доске и поблещи умом.

Особой разновидностью речевого акта насмешки является ироническая насмешка. М. А. Слепцова относит иронию к разновидности негативной оценки, прямо или косвенно характеризующей человека, ее основная иллюкуция – выражение неодобрения, осуждения, критика [18 : 8]. Исследователь также отмечает речеситуативную зависимость иронии: «Вне речевой ситуации распознать иронию невозможно, поскольку случаи независимой от контекста иронической коннотации практически не встречаются. Как правило, слово приобретает иронический оттенок в рамках конкретной речевой ситуации. Соответственно, декодировать иронию адресат может только в том случае, если он владеет пресуппозициями говорящего» [18 : 83].

В иронической насмешке используются слова и выражения с положительной коннотацией, которые не соответствуют, во-первых, отношению говорящего, во-вторых, реальной ситуации, и поэтому интерпретируются коммуникантами как негативно-оценочные. Например: *А это задача для особо одаренных* (о несложной математической задаче); *Молодец, честно заработал – два*; Учитель (со вздохом) – классу, когда никто не изъявил желание отвечать: *Желающих ответить, как я вижу, вагон и маленькая тележка.*

В обычной коммуникации, особенно при симметричных отношениях коммуникантов, насмешка вызывает вербальную реакцию адресата, испытывающего обиду, гнев, возмущение, негодование; это могут быть РА оправдания, возмущения, отсылы, оскорбления, ответной насмешки и т. п. Перлюкутивный эффект усиливается публичностью насмешки. «Осмеяние относится к тем типам высказываний, нормативная оценка которых значительно колеблется в зависимости от условий коммуникации, главным образом, – от существования третьего лица, свидетеля насмешки ... (“человек чувствует себя неудобно перед окружающими”, “этому человеку будет не смешно, а вот другим очень весело”, “сказанное в публичной обстановке повышает оскорбительный тон”, “говорящий выставляет героя в негативном свете”» [16]. В повседневном общении насмешка может использоваться

как риторический прием, при этом она значительно редуцирует свой негативно-оценочный агрессивный потенциал, заодно в ней возрастает рациональность. Л. А. Козловская пишет о подобной насмешке, что это «рационально-эвристический прием, характерный преимущественно для ситуаций, участники которых рассчитывают одержать верх в споре, используя не столько эмоции, сколько умение действовать словом на слабые места “противника”» [11].

Но в педагогической коммуникации насмешка, как показывает наш материал, не вызывает вербальной реакции. Перлокутивный эффект ограничивается изменениями в эмоционально-психологическом состоянии учащихся, вероятно, в силу значительного доминирования коммуникативного статуса учителя и, возможно, осознания справедливости его негативной оценки.

Заключение

Анализ агрессивных высказываний говорит о том, что в речевом поведении учителей встречается проявление агрессии в интенциях оскорбления, насмешки. Это можно объяснить необходимостью воздействовать на сознание учащихся и добиться изменения их поведения даже такими крайними средствами. Тем не менее учителя должны осознавать коммуникативно-прагматическую некорректность вербально-агрессивных актов и их противоречие нормам педагогической этики, поскольку необходимость воздействия и изменения поведения учащихся не аннулирует отрицательные характеристики указанных речевых актов, такие как направленность на понижение социального и личностного статуса учащихся, уровня их самооценки, нанесение морального вреда. Ю. В. Щербинина писала об этом: «... всестороннее теоретическое исследование проблемы речевой агрессии ... и разработка практических рекомендаций по купированию и профилактике речевого поведения (в дальнейшем) являются необходимыми условиями, обеспечивающими эффективность учебно-образовательного процесса и коммуникативную безопасность отдельной личности и общества в целом» [15 : 276].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3–18.
2. Темиргазина З. К. Вербальная агрессия в межличностной коммуникации // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2007. № 4. С. 75–78.

3. Temirgazina Z. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // World Appl. Sci. J. 2013. Vol. 24 (6). P. 822–825.

4. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 296 с.

5. Быкова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1999. Вып. 1(8). С. 91–103.

6. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 257–263.

7. Барт Р. Война языков // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 391–394.

8. Олешков М. Ю. Вербальная агрессия учителя в процессе педагогического общения // Стандарты и мониторинг в образовании. 2005. № 2. С. 43–50.

9. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990. 81 с.

10. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.

11. Козловская Л. А. Языковой контакт: контакт или конфликт? URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/.pdf> (дата обращения: 02.05.2016).

12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

13. Паремюзашивили Э. Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1(030). С. 136–142.

14. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

15. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.

16. Доронина С. В. «Насмешка» в зеркале обывательского метаязыкового сознания. URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00004502.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).

17. Фомин А. Г., Якимова Н. С. Репрезентация тактик вербальной агрессии в языковом сознании россиян и американцев // Язык и культура. 2012. № 3(19). С. 41–50.

18. Слепцова М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 172 с.

REFERENCES

1. Karasik V. I. Charakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Characteristics of pedagogical discourse]. In: *Yazykovaya lichnost: aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics]. Volgograd, 1999, pp. 3–18.
2. Temirgazina Z. K. Verbalnaya agressiya v mezhlichnostnoi romunikatsii [Verbal aggression in interpersonal communication]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. Tyumen, 2007, no. 4, pp. 75–78.

3. Temirgazina Z. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24 (6), pp. 822–825.

4. Vorontsova T. A. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyi podhod*. [Verbal aggression: communicative-discursive approach]: Dr. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2006. 296 p.

5. Bykova O. N. Rechevaya (yazykovaya, verbalnaya) agressiya. Materialy k entsyklopedicheskomu slovaru “Kultura russkoi rechi” [Speech (language, verbal) aggression. To the Encyclopedic Dictionary “The Culture of Russian speech”]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of verbal communication]. Krasnoyarsk, 1999, vol. 1 (8), pp. 91–103.

6. Basovskaya E. N. Tvortsy cherno-beloy realnosti: o verbalnoy agressii v sredstvakh massovoy informatsii [Creators of black-and-white reality: the verbal aggression in the media]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Novosibirsk, 2004, vol. 7, pp. 257–263.

7. Barthes R. Voina yazykov [The rustle of language]. *Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 391–394.

8. Oleshkov M. Y. Verbalnaya agressiya uchitelya v protsesse pedagogicheskogo obshcheniya [The verbal aggression of a teacher throughout the pedagogical communication]. *Standarty i monitoring v obrasovanii* [Standards and monitoring in education]. Moscow, 2005, no. 2, pp. 43–50.

9. Zhelvis V. I. *Emotivnyi aspekt rechi. Psiholingvisticheskaya interpretatsiya rechevogo vozdeystviya* [The emotive aspect of speech. Psycholinguistic interpretation of speech influence]. Yaroslavl, YaGPI im. K. D. Ushinskogo Publ., 1990. 81 p.

10. Kussov G. V. *Oskorbleniye kak illokutivnyi lingvokulturnyi kontsept* [Insulting as the illocutionary lin-

guocultural concept]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2004. 245 p.

11. Kozlovskaya L. A. *Yazykovoy kontakt: kontakt ili konflikt?* (Language contact: contact or conflict?). Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/.pdf> (accessed 02 May 2016).

12. Telia V. N. *Russkaya fraseologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty*. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p.

13. Paremuzashvili E. E. *Nepryamaya kommunikatsiya v strukture agressivnogo rechevogo akta (na primere ironii i nasmeshki)* [Indirect communication in the structure of aggressive speech act (as with irony and ridicule)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. Tambov, 2012, no. 1 (030), pp. 136–142.

14. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p.

15. Shcherbinina Yu. V. *Verbalnaya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 360 p.

16. Doronina S. V. “Nasmeshka” v zerkale obydenного metazykovogo soznaniya” (“Ridicule” in the mirror of everyday metalinguistic consciousness). Available at: <https://www.asu.ru/files/documents/00004502.pdf> (accessed 12 May 2016).

17. Fomin A. G., Yakimova N. S. *Representatsiya taktik verbalnoy agressii v yazykovom coznanii rossiiyan i amerikantsev* [The representation of verbal aggression tactics in the linguistic consciousness of Russians and Americans]. *Jazyk i kultura* [Language and Culture]. 2012. Novosibirsk, no. 3 (19), pp. 41–50.

18. Sleptsova M. A. *Ironiya kak kosvennyi rechevoi akt otritsatel'noy otsenki* [Irony as an indirect speech act of a negative assessment]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2008. 172 p.

Статья поступила в редакцию 06.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57

For citation

Temirgazina Z. K., Bachurka M. S. Speech Acts of Aggressive Character in the Pedagogical Discourse. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 51–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57 (in Russian).